

Бояркина Полина Викторовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
polina.boyardkina@gmail.com

Онегинский тип героя в русской поэзии 1840–1850-х гг. (Н. М. Языков, Ап. Григорьев, Н. П. Огарев, Н. А. Некрасов)

Для цитирования: Бояркина П. В. Онегинский тип героя в русской поэзии 1840–1850-х гг. (Н. М. Языков, Ап. Григорьев, Н. П. Огарев, Н. А. Некрасов). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (2): 304–319.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.202>

Статья посвящена анализу трансформации онегинского типа героя в стихотворных произведениях 1840–1850-х гг. Европейские образцы, на которые ориентирован пушкинский образ Онегина, обозначены прямо в тексте романа: это произведения Дж. Г. Байрона, Ч. Р. Метьюрина, Б. Констана, Ф. Р. Шатобриана и Ш. Нодье, в них воплощены два типа героев: демонический (персонажи восточных поэм Байрона, Мельмот, Жан Сбогар) и пассивный, рефлексирующий (Рене, Адольф, Чайльд Гарольд). Совмещение их черт в Онегине придавало образу объемность и неоднозначность. Наследуя онегинский тип героя, позднейшая художественная традиция часто сохраняла черты лишь одного из двух названных литературных типов. Трансформация образа определялась тем, что герой начиная с 1840-х гг. из области поэзии попадал в контекст прозы и ее социальных интересов. Однако в ту же эпоху онегинский тип героя еще продолжал фигурировать в поэтических текстах, которые интересны как зона перехода традиции из одного качества в другое: тенденции, характерные для прозы, развиваются непосредственно в рамках поэтических текстов. В творчестве Н. М. Языкова и Ап. Григорьева находят свое воплощение «пассивный» и «демонический» типы: первый — в стихотворных драматических сценах Языкова, второй — в стихотворениях и поэмах Ап. Григорьева. Обоим поэтам занимает проблема социальной непродуктивности героя. Н. П. Огарев в трех строфах стихотворения «Характер» резюмирует характерное для эпохи представление о духовной биографии героя онегинского типа. «Исповедь лишнего человека» Огарева, как и «Странный случай» Языкова — тексты, в которых проблематика, связанная с измерением высокой поэзии, сопрягается со скромной бытовой прозой. В поэме Н. А. Некрасова «Саша» собраны и подвергнуты осуждению едва ли не все характеристики онегинского типа, каким он виделся авторам 1850-х гг.

Ключевые слова: онегинский тип героя, Н. М. Языков, Ап. Григорьев, Н. П. Огарев, Н. А. Некрасов.

Современные Пушкину критики не раз с осуждением отмечали «неочертанность» характера главного героя его романа в стихах (см.: [Булгарин 2001: 300¹; Критик «Сына Отечества» 2001а: 326²; Критик «Сына Отечества» 2001б: 97³; По-годин 2001: 43⁴; Федоров 2001: 64⁵]). Реакция эта не в последнюю очередь была вызвана тем, что, создавая Онегина, Пушкин ориентировался на целый ряд европейских образцов, не всегда близких друг другу. Речь идет о названных прямо в тексте романа произведениях Дж. Г. Байрона, Ч. Р. Метьюрина, Б. Констана, Ф. Р. Шатобриана и Ш. Нодье. В них воплощены два различных, едва ли не противоположных друг другу типа героев: тип демонический (персонажи восточных поэм Байрона, Мельмот, Жан Сбогар) и тип пассивный, рефлексивный (Рене, Адольф, Чайльд Гарольд и, с определенными оговорками, байроновский Дон Жуан). Герои демонической линии деятельны, в их прошлом чаще всего скрывается страшная тайна, которая становится причиной их разочарованности и стремления ко злу. Разочарованность пассивных героев мотивирована не встречей со злом, но пресыщением (подробнее см.: [Бояркина 2018: 33–43]). Совмещение этих черт в Онегине придавало образу главного героя объемность, но оно же создавало неоднозначность, с которой трудно было справиться критикам.

Онегинский тип героя был унаследован русской художественной традицией и XIX, и XX в. При этом доминантными характеристиками героев, генетически связанных с Онегиным, часто становились черты лишь одного из двух названных литературных типов, что существенно упрощало читательское восприятие. Наследование сопровождалось трансформацией образа, прежде всего определявшейся тем, что герой переходил из поэтического контекста в контекст прозы; одновременно укреплялись его связи с социальной почвой.

Важную роль в изменении восприятия пушкинского романа сыграл В. Г. Белинский. При анализе критиком «Евгения Онегина» одним из главных достоинств произведения была объявлена «верность действительности» [Белинский 1955: 441, 445], это приравнивало содержание поэтического текста к содержанию жизни и позволяло рассматривать героя как тип скорее социальный, чем литературный. Уравнивая события сюжетные с событиями житейскими, перемежая стихотворные цитаты прозаическими пересказами, в которых домысливается то, что лежит за пределами пушкинского текста, Белинский осуществляет перевод текста, принадлежащего поэтической культуре Золотого века, на язык сменившей его культуры, когда проза становится главенствующей [Виролайнен 2011: 3–7].

Первые введенный в область прозы М. Ю. Лермонтовым, онегинский тип героя начиная с 1840-х гг. прочно обосновывается именно в прозе. Однако еще на протяжении некоторого времени он появляется и в поэтических текстах, которые представляют особый интерес как зона перехода традиции из одного качества в другое: полного разрыва с поэтической культурой здесь еще не происходит, но тенденции развития прозы, в частности, ее устремленности к социальной и бытовой сфере, укрепляются в самих поэтических текстах.

¹ Впервые: Северная пчела. 1826, (132, 4 ноября).

² Впервые: Сын Отечества. 1827, 115 (19) (без подписи).

³ Впервые: Сын Отечества. 1828, 118 (7) (без подписи).

⁴ Впервые: Московский вестник. 1828, 7 (4).

⁵ Впервые: Санкт-петербургский зритель. 1828, 1 (1).

Характерным примером может служить позднее произведение Н. М. Языкова «Странный случай» (1841), написанное с ориентацией на несколько совершенно разных жанровых задач. Оно представляет собой двухчастный стихотворный диалог двух героев, содержание которого призвано «охарактеризовать современную Языкову московскую интеллигентную молодежь»⁶. Собственно говоря, это задача очерка, автор которого желает списать не внешние, а духовные и душевные черты поколения, представленного определенным социальным типом. Но вместо прозаического очерка пишется драматический диалог в стихах, а при обрисовке интересующего Языкова типажа использован набор литературных элементов, из которых складывался онегинский тип. При этом с романным жанром произведение соприкосновений не имеет. Оно подчеркнуто бессобытийно. Место действия, как гласит ремарка, «комната в трактире» [Языков 1964: 531] — вспомним ремарку «Особая комната в трактире» [Пушкин 1948: 130], которой открывается вторая сцена «Мозарта и Сальери». Двух великих композиторов сменили у Языкова два обычных молодых человека. Один из них ждет появления своей предполагаемой невесты, которую он никогда не видел (она носит «речную» фамилию Кемская); в некоторый момент в трактире появляются две прекрасные девушки; герои обсуждают свои впечатления от них (это смутно напоминает беседу Онегина и Ленского о сестрах Лариных), затем видят в окно, что девушки садятся в экипаж и уезжают. Выясняется, что это и были Кемские, но ни знакомства, ни тем более сватовства не произошло. Событийная линия еще более нарочито, чем в «Графе Нулине», сведена к нулю, все сосредоточено на разговорах.

Главный герой наделен говорящей фамилией Скачков. Он провел изрядную часть жизни, «скача» по разным странам, гоняясь за впечатлениями, и наконец понял, что его больше всего тянет в Россию. Путешествие (точнее, рассказ о нем) составляет, таким образом, один из главных содержательных компонентов, а герой наделяется чертами сразу нескольких путешествовавших героев — и разочарованного Чайльд Гарольда, и Чацкого, и Онегина. В словах Скачкова выражена тоска по отечеству самого уехавшего за границу Языкова и сетования по поводу того, что с детства ему не было дано верного направления. Скачков жалуется, что быстрое пресыщение становится причиной его «охоты к перемене мест», но скука не покидает его («Так и теперь... Зачем? Куда я? Скука, / Одно и то же, то же и одно, / Томит меня, гнетет и гонит чудно» [Языков 1964: 545]). Причина тому — бессмысленное воспитание, не позволившее развиться имевшимся способностям («Причина: не дано / Мне ровно никакого направленья / Первоначально» [Языков 1964: 546]).

Заметим, что полученное воспитание не становится исчерпывающим объяснением духовных неудач героя. В том, что высокие впечатления не оставляют следов в его душе, есть какая-то внутренняя обреченность, какой-то закон, остающийся недоступным пониманию и самого героя, и автора.

Второй участник диалога, Власьев, представляет «пассивный» тип героя, взятый в своем крайнем проявлении. Девушка, на которой он задумал жениться (точнее, на которой его задумали женить), путешествует по разным странам, а он, во-

⁶ В. Я. Смирнов сопоставляет «Странный случай» с «Героем нашего времени», отмечая, что герои этих произведений сближает байроническое разочарование в жизни, осознание ее пустоты, пресыщение, а также понимание того, насколько поверхностно полученное ими образование [Смирнов 1900: 184–190].

ображая будущее знакомство, сидит на одном месте и ждет, не появится ли она здесь. Ее появление, как уже было сказано, не ведет ни к каким событиям, он не предпринимает ни малейшей попытки завязать знакомство и выясняет, что пригланувшаяся ему красавица и была Кемской, уже после ее отъезда. По ходу беседы Скачков настойчиво уговаривает его, во-первых, непременно жениться, во-вторых, непременно вернуться в Россию. Навязчивость Скачкова и вялость Власьева напоминают пару «Кочкарев — Подколесин» из гоголевской «Женитьбы». Пьеса была опубликована только в 1842 г., но Н. В. Гоголь начал работу над ней еще в 1833-м. В сентябре 1841 г. произошло тесное сближение двух писателей, живущих вместе на курорте в Гаштейне [Карпов 1988: 369–371], и Языков в этом году вполне мог познакомиться либо с текстом «Женитьбы», либо с основными особенностями ее сюжета.

Не менее пассивен Власьев и в выборе места жительства. В конце концов он все-таки отправляется вместе со Скачковым в Москву, но это происходит лишь под напором уговоров приятеля. «Странный случай» написан, согласно авторской помете, в 1841 г. в Ганау. Любопытно, что в сентябре этого года Гоголь выехал вместе с братом Языкова Петром Михайловичем из Ганау в Россию, 15 (27) сентября датировано первое из известных писем Гоголя к Языкову, написанное с дороги, из Дрездена [Гоголь 1988: 373]. Таким образом, сюжетная ситуация, избранная Языковым в «Странном случае», имеет и конкретные биографические проекции.

Сближаясь с нерешительным Подколесиним, языковский Власьев, с другой стороны, предвосхищает Обломова. Довольно слабое произведение Языкова оказывается поэтому весьма показательным звеном в цепи трансформаций онегинского типа. В одном из его героев (Скачкове) собраны как собственно онегинские черты, так и черты близких ему литературных персонажей, в другом (Власеве) обрисован «пассивный» тип, получивший здесь (отчасти под влиянием Гоголя) то гипертрофированное выражение, какого еще не знала литературная традиция, определившая генезис пушкинского героя. Двое героев «Странного случая» служат наглядной демонстрацией того, как из пары «Кочкарев — Подколесин» получается пара «Штольц — Обломов»; произведение Языкова фиксирует самый момент превращения. Кроме того, попытка соединить, казалось бы, несоединимое: «Евгения Онегина» и «Женитьбу» — проясняет возможности дальнейших вариаций онегинского типа, связанные с наслоениями на пушкинский субстрат разнообразных чужеродных по отношению к нему литературных образов. Но при наличии многочисленных литературных ориентиров главной задачей самого Языкова была, по видимому, типизация, понимаемая уже в духе 1840-х гг.: поэту хотелось воплотить черты, характеризующие его современников.

«Демонический» тип героя, в произведении Языкова оставшийся не востребованным, оказался чрезвычайно актуальным для другого поэта — Ап. Григорьева.

В целом ряде его текстов, написанных в середине 1840-х гг. (в стихотворении «Отрывок из сказаний об одной темной жизни» (1845), в поэмах «Олимпий Радин» (1845), «Предсмертная исповедь» (1846), «Встреча» (1846) и в «Первой главе из романа “Отпетая”» (1847)) появляются герои, варьирующие онегинские характеристики. Б. В. Томашеский писал, что «Ап. Григорьев, провозглашенный подражателем Лермонтова, во многих своих чертах черпает лирические импульсы из пушкинского поэтического наследия» [Томашевский 1961: 426]. Ю. Н. Чумаков также

подчеркивал, что Лермонтов и Пушкин равно важны для творческого сознания Григорьева. Его тексты, считал исследователь, подключены к традиции стихотворного романа, лермонтовская стилистика поэм Григорьева «преломляется в чертах онегинской структуры» [Чумаков 1999: 123]. Жанровая ориентация на стихотворную повесть подчеркнута подзаголовками «Рассказ» («Олимпий Радин») и «Рассказ в стихах» («Предсмертная исповедь»); как и ранние подражания «Евгению Онегину»⁷, стихотворный роман «Отпетая» ограничивается первой главой.

В героях Григорьева гипертрофированы гордыня, эгоцентризм, желание властвовать над людьми — и это, безусловно, опосредованные Лермонтовым черты байронических титанических героев — черты «демонического» типа. При этом все персонажи Григорьева погружены в современный быт. По замечанию Б. Ф. Егорова, «такой характер, конечно, романтически утрирован Григорьевым, но он все-таки реальная частица русской жизни сороковых годов, он — типичный лишний человек» — как и автор [Егоров 2001: 14]. Само это выражение, как отмечает Егоров, было употреблено Григорьевым еще до тургеневского «Дневника лишнего человека»: в повести «Один из многих» (1846) Александр Иванович Брага произносит фразу: «...я человек вовсе лишний на свете» [Григорьев 1980: 211]. Именно сочетание «позднеромантических тенденций в изображении героев, в стиле и лексике, с новыми реалистическими влияниями, вплоть до бытовых аспектов “натуральной школы”», и становится, по мнению исследователя, ключевой характеристикой «лишнего человека» [Егоров 2001: 14].

Герой целого ряда стихотворений Григорьева наделен чертами этого типа. Особенно показателен «Отрывок из сказаний об одной темной жизни» — произведения, приближающегося к большой поэтической форме, с первых же строк напоминающего лермонтовского «Мцыри». Сближает его с этой поэмой и то, что речь идет об умирающем герое. Юрий пытается постичь свой внутренний мир, но результаты самоанализа ограничиваются жестоким самоотчетом (эгоизм, неспособность ни к высоким, ни к злым чувствам, доверие только рассудку), объяснить собственную природу герой не может. Вскользь он касается темы воспитания, «преданий детства», которых он был лишен, но главное определяется тем, что он «сотворен» таким, каков он есть. Социальная мотивировка не работает, вместо нее предложена мотивировка метафизическая, однако усилия ее аналитического осмысления тщетны. Сюжет осложняется тем, что автор, в соответствии с онегинской традицией изображающий себя другом героя и свободно беседующий с читателем («...Но о нем / Довольно... К делу перейдем» [Григорьев 2001: 70]), рассказывает о Юрии то, что никак не совпадает с результатами его самоотчета. Да, он неспособен любить женщину, но одна привязанность наложила печать на всю его жизнь. Строки отточий знаменуют в тексте восходящий к байронической поэме сюжетный пропуск «таинственного» эпизода биографии героя, повествование уходит в сторону, но затем мы все-таки узнаем, что предметом его роковой привязанности был некий

⁷ «Сашка» (1825) А. И. Полежаева, «Отрывки из повести Гусар» (1828) и «Отрывки из романа в стихах» (1830) А. А. Башилова, глава первая «Признания на тридцатом году жизни» (1828) П. Г. Волкова, «Евгений Вельский» (1828–1832) М. И. Воскресенского, «Котильон, глава первая из стихотворного романа “Ленин, или жизнь поэта”» (1829) Н. Н. Муравьева, «Владимир и Анета» (1830) А. Северинова, «Именины» И. Косяровского (1831), «Отрывок из безыменной повести» (1831) В. Горкуши, глава первая «Консилиум» повести в стихах «Московские минеральные воды» (1831) И. Е. Великопольского, опубликованная под псевдонимом Ивелев.

князь... На общем романтическом фоне это еще раз подчеркивает «особенность», «инаковость» избранного героя [Григорьев 2001: 69].

Путешествие у Григорьева, как и у Языкова, становится важным компонентом повествования. Как и многих героев онегинского типа, скитания по чужим краям не оживили Юрия [Григорьев 2001: 68]. Григорьев здесь предвосхищает формулу, позже примененную Достоевским к интересующему нас типу героя: русский «ски-талец» [Достоевский 1984: 137].

В Юрии, как и в Печорине, чувствовалось высокое, однако так и оставшееся не воплощенным призвание (см.: [Григорьев 2001: 70]). Причины неосуществимости и более того — неопределенности так несомненно дарованного герою призвания остаются, как уже говорилось, в непознаваемой метафизической области. А подчеркнутая в заглавии отрывочность, незавершенность, фрагментарность и «темнота» сюжета, корреспондируя с этой неопределенностью, перестают быть простым слепком с подхваченной подражателями Пушкина незавершенности формы.

Иной по настроению герой появляется в стихотворном «рассказе» «Олимпий Радин», написанном в том же году. В нем отразилась реальная история безответной любви автора к А. Ф. Корш — в центр сюжета помещена трагическая любовная коллизия, а главному герою приданы автобиографические черты. И. Н. Розанов отметил ряд переключек этого «рассказа» с произведениями Лермонтова, в частности — совпадение фамилии персонажа с фамилией героев драмы «Два брата» (монолог Александра Радина был практически полностью перенесен в «Героя нашего времени») [Розанов 1914: 253]. Под большим сомнением, остается, правда, знакомство Григорьева с лермонтовской пьесой: небольшой отрывок с подробным пересказом драмы был впервые опубликован в статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова» лишь в 1857 г. [Шестаков 1857: 336–344], а полный текст появился лишь в 1880 г. [Лермонтов 1880: 273–313].

«Рассказ» начинается с того, что автор сообщает о своем знакомстве с героем и кратко характеризует его:

...Не был он
Умом начитанным умен,
И даже дерзко отвергал
Он много истин, может быть;
Но я привык тот резкий тон
Невольно как-то в нем любить;
Был смел и зол его язык⁸ [Григорьев 2001: 176].

Здесь явственно слышен отголосок «Евгения Онегина»:

Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум [Пушкин 1948: 23].

⁸ То же подчеркнутое указание на близкое знакомство автора с героем — в «Предсмертной исповеди».

Однако в образе Радина акцентированы черты, скорее противопоставляющие его онегинскому типу:

Так в жизнь он веру сохранил,
Так был он полон свежих сил,
Что было б глупо и смешно
В нем тайну пошлую искать... [Григорьев 2001: 177].

Впрочем, по ходу повествования эта характеристика сменяется совершенно другой. Радин произносит речи, из которых выясняется, что «Теперь он верит одному, / Что верить вообще смешно, / Что глупо истины искать...» [Григорьев 2001: 186]. Герой наделен «обаянием зла», чертами, присущими «демоническим» героям [Григорьев 2001: 183]. В одном из фрагментов произведения он уподоблен змею.

Как это было уже у Лермонтова, разочарованность Радина не приводит к утрате страстности [Григорьев 2001: 177]. Любовная история также разворачивается по лермонтовской схеме: любовь сулит герою «возврат / Первоначальной чистоты» [Григорьев 2001: 185], но девушку выдают замуж, и год спустя она умирает. Несбывшаяся возможность возрождения через любовь, правда, сюжетно слабо мотивирована: возлюбленная Радина единодушна с ним в разуверении, на обоих лежит проклятие, роковая обреченность [Григорьев 2001: 187]. Финал истории героя открыт — как открыт и финал «Онегина».

Заглавие поэмы «Предсмертная исповедь» акцентирует внимание на уже использованной в «Отрывке из сказаний об одной темной жизни» сюжетной ситуации «Мцыри». Открытый финал «Олимпия Радина» сменяется финалом, предре-шенным с самого начала. Герой обречен смерти, и всем его верованиям и надеждам сбыться не суждено. Уже в начале поэмы появляется, казалось бы, ключевое слово «хандра» [Григорьев 2001: 198].

Гонимый тоской, герой поэмы отправляется в путешествие и — как и Онегин восьмой главы — возвращается чужим для всех. Но хандрящий герой Григорьева не только не пережил разуверения — он до самого конца неколебимо тверд в своей вере в высочайшее божественное предназначение человека. Именно отсюда происходят его гордость и презрение к людям, забывшим о своем призвании. Естественно, герой такого типа абсолютно одинок. Вера его оказывается двойственной природы: с одной стороны, это верность Творцу, с другой стороны, сознание своей причастности божественному началу, питая непомерную гордость, сближает его с падшими ангелами, судьбе которых он уподобляет свою жизнь. Он обречен нести бремя последствий грехопадения (см.: [Григорьев 2001: 202]):

Перед нами, несомненно, «демонический» тип хандрящего при этом героя; гармонизировать, мотивированно соединить эти две характеристики Григорьеву не удастся. «Демоническое» начало доминирует. На устах героя змеей вьется злая, страшная, но обаятельная улыбка (вспомним «обаяние зла», присущее Олимпию Радину). О гордости героя «Предсмертной исповеди» сказано: «...сатана / Его гордее быть не мог» [Григорьев 2001: 199]. Подобно другим демоническим героям он страстен, в его прошлом — утраченная любовь к той, в ком он разбудил близкие себе чувства («Борьбу души мятежных сил, / Любовь к избранникам богов, / Презрение к толпе рабов» [Григорьев 2001: 207]). Но любопытно, что это так же, как

у Ленского, любовь к подруге детства, рассказ о ней наполнен буколическими подробностями (которые, впрочем, отсылают и к утраченной райской жизни).

Естественно, что повествование о подобном герое не может миновать проблему предназначения. Сожаления Адольфа, Рене, Печорина о силах, которым не нашлось применения, терзают и героя «Предсмертной исповеди»: «Жаль / Погибших даром мощных сил» [Григорьев 2001: 201]. В развитии этого мотива появляется у Григорьева одна существенная подробность:

И так презрительно молчал
На каждый дружеский упрек,
Что только гений или власть
Его могли бы оправдать...
А между тем ему на часть
Судьба благоволила дать
Удел и скромный, и простой [Григорьев 2001: 199].

Гений или власть — вот условия реализации предназначения, условия отнюдь не социальные, ибо то и другое зависит исключительно от выпавшего на долю человека жребия.

Наиболее близка к пушкинскому роману в стихах поэма Григорьева «Встреча». Весь текст изобилует авторскими отступлениями, то и дело встречаются пропуски стихов. Уже в самом начале автор признается в собственной бездеятельности, а его хандра оказывается сродни лени [Григорьев 2001: 214].

Основное действие поэмы разворачивается во время маскарада, собравшееся общество изображено сатирически, в центре повествования вновь любовная коллизия. Представление героя происходит в «онегинском» непринужденном тоне:

Кто он? — вы спросите, читатель. —
Кто он? — Во-первых, мой герой,
Потом — хороший мой приятель,
Сергей Петрович Моровой [Григорьев 2001: 219].

Он, как и автор, страдает от хандры [Григорьев 2001: 219]. Как Онегин начала романа, герой искушен в «науке страсти нежной», в отличие от героя «Олимпия Радина», сердце его остается холодным, душа преждевременно состарилась [Григорьев 2001: 220].

Рассказ о его поведении в обществе обнаруживает сходство с описанием светской жизни Онегина:

Она на грудь его падет.
Но и тогда, собой владея,
Он принимал холодный тон
И, сострадательно жалея,
Читал ей проповеди он...
Он в угол устремил лорнет...
Уже зевать он начинает,
Готов отправиться домой... [Григорьев 2001: 221–223].

Характеристика Морового напоминает пушкинское описание современного человека «С его безнравственной душой, / Себялюбивой и сухой» [Пушкин 1948: 148]: «В эгоистически-сухой / И пресыщением больной / Душе его...» [Григорьев 2001: 227].

В поэме «Встреча» герой практически лишен демонического ореола, метафизический пласт, казалось бы, отодвинут, рассуждений о божественной или падшей природе героя нет. Но на место этого заступает другой содержательный пласт, который можно определить как метафизику истории. В обширном авторском вступлении, предваряющем сюжетную часть поэмы, хандра предстает как характеристика уже не определенного типа героя, а состояния всего русского общества [Григорьев 2001: 211].

«Русский ум» уподоблен сидню Илье Муромцу, который чего-то ждет, «сложивши руки», — вероятно, ждет того часа, «Когда в их подвиге высоком / Заветы Господа поймет / Избранный Господом народ!». Следующая строфа завершается уверенным утверждением автора: «Проснешься ты, — твой час пробьет, / Избранный Господом народ!» [Григорьев 2001: 212–213]. И прежде, чем приступить к дальнейшему развитию повествования, Григорьев посвящает хандре, этому общему состоянию русского общества, еще один обширный пассаж:

Но в срок великого призванья,
Все так же степь свою любя,
Ты помянешь, народ избранья,
Хандру, вскормившую тебя,
Как нянька старая, бывало...
Ты скажешь: «Добрая хандра
За мною по пятам бежала,
Гнала, бывало, со двора
В цыганский табор, в степь родную
Иль в европейский Вавилон,
Размыкать грусть-кручину злую,
Рассеять неотвязный сон».
Тогда тебе хандры старинной,
Быть может, будет даже жаль
Так степняка берет печаль
По стороне своей пустынной;
Так первый я — люблю хандру
И, вероятно, с ней умру [Григорьев 2001: 213–214].

Так приближенное к «Евгению Онегину» повествование превращает характеристику пушкинского героя в обобщение, связанное с настоящим и будущим России.

Сближению с романом в стихах сопутствует и еще одно значимое отступление от него. Григорьев производит полную инверсию пушкинского сюжета. Главным герою и героине так же, как и у Пушкина, дано две встречи: ранняя, когда она еще почти девочка, и вторая, годы спустя. Но в отличие от Онегина, Моровой соблазняет влюбленную девочку и затем встречает ее в маскарade не блистательной светской дамой, но женщиной, чья чистота «погибла безвозвратно» [Григорьев 2001:

228]. Противоположность роману в стихах составляет и финал поэмы: звучит отповедь героини, но затем она и герой соединяются, чтобы стать «На путь борьбы свободно-роковой, / На путь борьбы, хотя бесславный» с нормами общества [Григорьев 2001: 230–231].

Так говорящая фамилия героя, казалось бы, подчеркивавшая сатирическую сторону «рассказа», оказывается наделенной и иным, предельно серьезным смыслом. Поэма «Встреча», насыщенная множеством реминисценций из «Евгения Онегина», оказывается, благодаря осуществленной ее автором сюжетной инверсии, наглядной демонстрацией того превращения, которое претерпевает пушкинский сюжет в ходе литературного развития. Героини Григорьева предвосхищают череду «роковых» героинь, которые появятся в русских романах, а изображение героя, одновременно и сниженного по сравнению с пушкинским, и возвышенного над ним, задает черты характера, который воплотится и у И. С. Тургенева (отец героя в «Первой любви»), и у Ф. М. Достоевского (Версиков в «Подростке»), и даже, с известными оговорками, у В. В. Набокова (Демон Вин в «Аде»).

Последнее произведение Григорьева, которого мы коснемся, — «Первая глава из романа “Отпетая”». Оно начинается не только с откровенной отсылки к Пушкину — строфами о Коломне, где автор ищет свою героиню, но и прямым названием его имени в шестой строфе. Впрочем, поэма насыщена и другими литературными именами.

Уже само заглавие произведения указывает на его незавершенность. Центральный персонаж — героиня. Герой — чиновник, игрок и кутила — здесь изображается в сниженном сатирическом ключе, и в этом обнаруживается его связь, с одной стороны, с героем «Сашки» А. И. Полежаева, а с другой — с лермонтовским Сашкой (а также, по замечанию Ю. Н. Чумакова [Чумаков 1999: 124], и с героем «Сказки для детей»):

Разочарован был, казалось, очень рано
И, дорожа мгновением одним,
Безумствовал. Чем не герой романа,
Особенно когда другого нет? [Григорьев 2001: 244].

Герой лишен демонических черт, но зато в сюжет введен демонический персонаж — не участвуя прямо в развитии действия (ему принадлежат лишь два монолога), он тем не менее привносит в «роман» метафизическое измерение, резко контрастирующее со сниженно-бытовым миром героини и ее возлюбленного.

Действие обрывается после первой главы, и можно предположить, что это вошло в авторское намерение. Уже по завязке понятно, что центральным и здесь был бы любовный сюжет — и, очевидно, трагический. Вслед за автором «Онегина» повествователь обращается к героине с предостережением: «Погибнешь ты...» [Григорьев 2001: 236].

Итак, одним из важнейших мотивов у Григорьева становится ощущение героем некоего высокого предназначения и сожаление о нерастраченных силах — и наряду с трагической любовной коллизией именно оно (как и у Лермонтова), а не пресыщение светскими наслаждениями, разочарование в любви и дружбе или трагедия в прошлом, и становится причиной хандры григорьевских персонажей.

Главное же заключается в том, что тексты Григорьева, предвзято будущие вариации пушкинских сюжета и героя, в целом ряде случаев позволяют опознать иногда не вполне очевидный пушкинский генезис некоторых произведений.

Стихотворение Н. П. Огарева «Характер», написанное в 1841 г., может служить демонстрацией того, насколько четко сформированным к этому времени стало восприятие онегинского типа (подчеркнем, в отличие от его восприятия первыми читателями пушкинского романа). Для воплощения такого героя оказалось возможным обойтись без пространного повествования, очерк его жизненного пути укладывался всего в три строфы. Смущавшая первых критиков противоречивость характера теперь становилась узаконенной до такой степени, что в описании того, каким был герой в детстве, можно было смело смешать черты Онегина и Татьяны. Первая же строка огаревского стихотворения отсылает к пушкинскому «Ребенок был резов, но мил» [Пушкин 1948: 6], а затем в ребенке обнаруживается любовь к сказкам и «преданьям престопадной старины» [Пушкин 1948: 99]. Три строфы соответствуют трем жизненным этапам: детство — молодость — зрелость, проинтерпретированная как ранняя старость. На каждом этапе все разыграно как по нотам: бурная юность, репутация «повесы», жизнь, растроченная по пушкинской формуле «без цели, без трудов», охлаждение души, бесплодные и жестокие любовные перипетии, наконец «преждевременная старость», язвительность и даже презрительный демонический огонь во взгляде. Добавлены ко всему этому скрытые от всех «жажда дел» и невостребованная сильная воля:

Ребенком он упрям был и резов,
И гордо так его смотрели глазки
Лишь матери его смиряли ласки
Но не внимал он звуку грозных слов.
Про витязей бесстрашных слушать сказки
Любил в тиши он зимних вечеров,
Любил безбрежие степи раздольной,
Следил полет далекий птицы вольной.

Провел он буйно юные года:
Его везде пустым повесой звали,
Но жажды дел они в нем не узнали
Да воли сильной, в мире никогда
Простора не имевшей... Дни бежали,
Жизнь тратилась без цели, без труда;
Кипела кровь бесплодно... Он был молод,
А в душу стал закрадываться холод.

Влюблен он был и разлюбил; потом
Любил, бросал, но — слабых душ мученья —
Не знал раскаянья и сожаленья.
Он рано поседел. В лице худом
Явилась бледность. Дерзкое презренья
Одно осталось в взоре огневом,
И речь его, сквозь уст едва раскрытых,
Была полна насмешек ядовитых [Огарев 1956: 121].

С 1840 г. и до конца жизни Огарев работал над социально-психологической поэмой «Юмор» (части 1–2 написаны в 1840–1841 гг. и анонимно опубликованы в Лондоне в 1857 г.; часть 3 написана в 1867–1868 гг. и вышла в альманахе «Полярная Звезда» за 1869 г.). Неоднократно предпринимались попытки ее продолжения. Незавершенность, очевидно, унаследованная от Пушкина и его подражателей, стала конструктивным принципом построения текста. Автор и герой поэмы слиты в нерасторжимое единство, повествование ведется от первого лица и построено как цепочка ассоциаций, имитирующих движение человеческой мысли. Лишь в одном месте автор отмежевывается от героя и говорит о нем в третьем лице (см.: [Огарев 1956: 411]). На протяжении всего произведения сохраняется заданный Пушкиным тон непринужденной болтовни с читателем, особенно ощутимый во введенных во вторую часть письмах, которые тоже обращены к читателю [Огарев 1956: 409].

Текст насыщен цитатами и реминисценциями из «Евгения Онегина», рассуждениями о литературе, художественных, философских, общественных вопросах, об особенностях национального характера, присущих и самому повествователю, дающих повод к его саморефлексии. Кардинальное отличие от пушкинского текста — критика изображаемой социальной действительности. Лирический герой страдает от хандры (см.: [Огарев 1956: 400, 405, 410]), она становится причиной того, что он отправляется в путешествие, которое и описывает в подробностях.

Третья часть, написанная через 27 лет после первой⁹, содержит размышления о растроченной впустую жизни (см.: [Огарев 1956: 455–456]).

В 1857 г. выходит поэма Н. А. Некрасова «Саша», в которой на первый план выводится напоминающая Татьяну героиня, а герой изображается в сатирическом ключе. В критике отмечалось сходство героя Некрасова с тургеневским: так, например, С. С. Дудышкин, якобы приводя мнение читателей, писал, что они в нем «нашли того же Рудина, только переложенного в стихи» [Дудышкин 1861: 87]. Позднее и сам Тургенев утверждал, что поэма была написана под влиянием его романа [Тургенев 1982: 390–391], однако более вероятно, что близость произведений явилась следствием общения писателей¹⁰.

⁹ В 1860-е гг. Огарев продолжает размышлять об онегинском типе и в других произведениях. Так, предположительно 1864 г. датируется «Исповедь лишнего человека», впервые появившаяся в печати лишь в 1930 г. Произведение построено как две драматические сцены, рисующие обстановку в доме умирающего. Все диалоги написаны прозой, но они перемежаются стихотворным внутренним монологом героя — его предсмертными размышлениями, воспоминаниями о детстве, о всей прожитой жизни и ее итогах. Итоги оказываются печальными: мнивший себя великим человеком, мечтавший о великом предназначении герой не исполнил, в сущности, ничего, лишь растратил и собственные силы [Огарев 1956: 693], и мечты, и друзей. Он — невольный носитель зла [Огарев 1956: 694]. Герой наделен и комплексом скуки [Огарев 1956: 695], и пониманием того, что он «всем чужой» [Огарев 1956: 695] — черты онегинского типа вполне узнаваемы в стихотворной части текста. Но прозаические фрагменты переключают целое не только в иной жанровый регистр, но и иной жизненный контекст: герой умирает вдали от России, в Вёве, он обременен семьей, которая после его смерти останется в нищете. Причины того, что жизнь бесцельно растрочена, он видит не в недостатках окружающей действительности, а в себе самом: «Нет, не среда, — я, человек, был гадок» [Огарев 1956: 701]. «Исповедь лишнего человека» можно рассматривать как произведение, в котором наглядно представлен процесс трансформации литературного типа и связанного с ним типа повествования через сопряжение скромной бытовой прозы и проблематики, имеющей поэтическое измерение.

¹⁰ См. примеч. А. М. Гаркави в изд.: [Некрасов 1982: 534].

Действие поэмы разворачивается в деревне, где у любящих родителей под прищотром няни растет юная Саша, она близка к природе и чиста душой. В давно пустовавшее соседнее имение из путешествий приезжает молодой дворянин Лев Алексеич Агарин. Он чувствует свое высокое предназначение и, как ему кажется, готов к свершениям [Некрасов 1982: 20–21]. Но герой недостойн любви героини — понимает это и сама Саша, которая отвечает Агарину отказом на предложение за-мужества. Негативная оценка героя автором, который сам присутствует в тексте как персонаж, имеет декларативный характер:

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искустель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинское ищет,

Благо, наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо, идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвой ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир, — говорит, — осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое... <...>

Только дающая силу и власть,
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь! <...>

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;
Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!» [Некрасов 1982: 24–26].

В этих стихах собраны (и подвергнуты осуждению) едва ли не все характеристики онегинского типа, каким он был воспринят русским литературным сознанием к 1850-м гг.

Источники

- Белинский 1955 — Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. «Евгений Онегин». В кн.: Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений*. Бельчиков Н. Ф. (гл. ред.). В 13. Т. Т. 7. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 431–472.
- Булгарин 2001 — Булгарин Ф. В. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава вторая. В кн.: *Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827*. Вацуру В. Э., Фомичев С. А. (общ. ред.). СПб.: Гос. пушкин. театр. центр, 2001. С. 300.
- Гоголь 1988 — *Переписка Н. В. Гоголя*. Карпов А. А. (вступ. ст.); Карпов А. А., Виरोлайнен М. Н. (сост. и коммент.). В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1988.
- Григорьев 1980 — Григорьев А. П. *Воспоминания*. Л.: Наука, 1980.
- Григорьев 2001 — Григорьев А. П. *Стихотворения. Поэмы. Драмы*. Сер.: Библиотека поэта (Новая библиотека поэта). СПб.: Академический проект, 2001.
- Достоевский 1984 — Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. В кн.: Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 136–149.
- Дудышкин 1861 — Дудышкин С. С. Стихотворения Н. Некрасова. *Отечественные записки*. 1861, (12).
- Критик «Сына Отечества» 2001а — «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочин. Александра Пушкина. Глава третья. В кн.: *Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827*. СПб.: Гос. пушкин. театр. центр, 2001. С. 326–327.
- Критик «Сына Отечества» 2001б — «Евгений Онегин». Гл. IV и V. В кн.: *Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830*. Вацуру В. Э., Фомичев С. А. (общ. ред.). СПб.: Гос. пушкин. театр. центр, 2001. С. 242–261.
- Лермонтов 1880 — *Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова*. Вацуру В. Э., Фомичев С. А. (общ. ред.). СПб.: Изд. книж. магазина «Нового времени», 1880. С. 273–313.
- Некрасов 1982 — Некрасов Н. А. *Полное собрание сочинений и писем*. В 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1982.
- Огарев 1956 — Огарев Н. П. *Стихотворения и поэмы*. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, 1956.
- Погодин 2001 — Погодин М. П. «Евгений Онегин», роман в стихах, сочинение Александра Пушкина, песнь 4 и 5. В кн.: *Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830*. Вацуру В. Э., Фомичев С. А. (общ. ред.). СПб.: Гос. пушкин. театр. центр, 2001. С. 42–46.
- Пушкин 1948 — Пушкин А. С. Евгений Онегин. В кн.: Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*. В 16 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 1–205.
- Розанов 1914 — Розанов И. Н. Отзвуки Лермонтова. В кн.: *Венок М. Ю. Лермонтову*. М.; Пг.: В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых, 1914. С. 237–289.
- Смирнов 1900 — Смирнов В. Я. *Жизнь и поэзия Н. М. Языкова*. Пермь: Тип. Губернской земской управы, 1900.
- Тургенев 1982 — Тургенев И. С. Предисловие к романам. В кн.: Тургенев И. С. *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Т. 9: Сочинения. М.: Наука, 1982. С. 390–398.
- Шестаков 1857 — Шестаков С. Д. Юношеские произведения Лермонтова. *Русский вестник*. 1857, 9 (1): 336–344.
- Языков 1964 — Языков Н. М. *Полное собрание стихотворений*. М.; Л., 1964.

Литература

- Бояркина 2018 — Бояркина П. В. Онегинский тип героя в русской литературной традиции. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018, (4 (414)): 33–43.
- Виролайнен 2011 — Виролайнен М. Н. «Евгений Онегин»: методы анализа пушкинского романа в стихах в историческом освещении: учеб. пособие по курсу «История русской литературы первой половины XIX века». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011.
- Егоров 2001 — Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — поэт. В кн.: Григорьев Ап. *Стихотворения. Поэмы. Драммы*. СПб.: Академический проект, 2001. С. 5–50.
- Карпов 1988 — Карпов А. А. Н. В. Гоголь и Н. М. Языков. В кн.: *Переписка Н. В. Гоголя*. В 2 т. Т. 2. Карпов А. А. (вступ. ст.); Карпов А. А., Виролайнен М. Н. (сост. и коммент.). М.: Художественная литература, 1988.
- Томашевский 1961 — Томашевский Б. В. *Пушкин*. В 2 кн. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- Федоров 2001 — Федоров Б. М. «Евгений Онегин». Роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. Глава IV и V. В кн.: *Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830*. Вацуро В. Э., Фомичев С. А. (общ. ред.). СПб.: Гос. пушкин. театр. центр, 2003. С. 59–73.
- Чумаков 1999 — Чумаков Ю. Н. *Стихотворная поэтика Пушкина*. СПб.: Гос. пушкин. театр. центр, 1999.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2023 г.
Статья рекомендована к печати 12 февраля 2024 г.

Polina V. Boiarkina

The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4, nab. Makarova, St. Petersburg, 199034, Russia
polina.boiarkina@gmail.com

Onegin type of hero in the Russian poetry of 1840s and 1850s (N. M. Yazykov, Ap. Grigoriev, N. P. Ogarev, N. A. Nekrasov)

For citation: Boiarkina P. V. Onegin type of hero in the Russian poetry of 1840s and 1850s (N. M. Yazykov, Ap. Grigoriev, N. P. Ogarev, N. A. Nekrasov). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (2): 304–319. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.202> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of the transformation of the Onegin type of hero in the poetic works written in 1840s–1850s. The European models Pushkin's character is based on are indicated directly in the text of the novel: these are the works of J. G. Byron, Ch. R. Maturin, B. Constant, F. R. Chateaubriand and Ch. Nodier. They embody two types of heroes: demonic (characters of Byrons oriental poems, Melmoth, Jean Sbogar) and passive and reflective (Rene, Adolphe, Childe Harold). The combination of their features in Onegin gave the image volume and ambiguity. Inheriting the Onegin type of hero, the later literary tradition often retained the features of only one of the two named types. The transformation of the image was determined by the fact that the hero, firstly appeared in the 1840s, was moved from the poetic reality into the context of prose and its social interests. However, at the same time, Onegin type of hero still continued to appear in poetic texts, showing the transition of tradition from one quality to another: tendencies characteristic of prose develop directly within the framework of poetic texts. In the works of N. M. Yazykov and Ap. Grigoriev's passive and demonic types were embodied: the first — in the poetic dramatic scenes of Yazykov, the second — in the poems of Grigoriev. And both poets are concerned with the problem of their hero's social unproductivity. N. P. Ogarev in his poem "Character" summarizes current idea of the spiritual biography of the Onegin type of hero. "Confession of an Superfluous Man" by Ogarev as well as "A Strange Case" by Yazykov are texts in which the problems associated with

the measurement of high poetry are paired with modest everyday prose. In Nekrasov's poem "Sasha" almost all the characteristics of the Onegin type, as the authors of the 1850s saw it, are collected and condemned.

Keywords: Onegin type of hero, N. M. Yazykov, Ap. Grigoriev, N. P. Ogarev, N. A. Nekrasov.

References

- Бояркина 2018 — Boiarkina P. V. Onegin type of hero in Russian literary tradition. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018, (4 (414)): 33–43. (In Russian)
- Виролайнен 2011 — Virolainen M. N. "Evgeny Onegin": *Metody analiza pushkinskogo romana v stihah v istoricheskom osveshhenii: Uchebnoe posobie po kursu "Istoriia russkoi literature pervoi poloviny XIX century"*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2011. (In Russian)
- Егоров 2001 — Egorov B. F. Apollon Grigoryev — poet. In: Grigoriev Ap. *Stikhotvoreniia. Poemy. Dramy*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2001. P. 5–50. (In Russian)
- Карпов 1988 — Karpov A. A. N. V. Gogol' and N. M. Yazykov. In: *Perepiska N. V. Gogolia*. Karpov A. A. (introd.); Karpov A. A., Virolainen M. N. (comp., comment.). In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988. (In Russian)
- Томашевский 1961 — Tomashevskii B. V. *Pushkin*. In 2 parts. Part 2. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ., 1961. (In Russian)
- Федоров 2001 — Fedorov B. M. "Eugene Onegin." A novel in verse, written by Alexander Pushkin. Chapter IV and V. In: *Pushkin v prezhiznnoi kritike. Vol. 2. 1828–1830*. Vatsuro V. E., Fomichev S. A. (eds). St. Petersburg: Gosudarstvennyi pushkinskii teatral'nyi tsentr Publ., 2003. P. 59–73. (In Russian)
- Чумаков 1999 — Chumakov Iu. N. *The poetics of Pushkin's poetry*. St. Petersburg: Gosudarstvennyi pushkinskii teatral'nyi tsentr Publ., 1999. (In Russian)

Received: December 5, 2023

Accepted: February 12, 2024